

УДК 14

А.П. Цветков

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
просп. Вернадского, 4, г. Симферополь, Украина 95007***КОСМИЗМ: ОТ МЕТАФИЗИКИ - К МЕТААНТРОПОЛОГИИ**

Обосновывается гипотеза о том, что ноосферология является частным случаем нового учения – философской метаантропологии.

Идея космизма содержит в себе различные интенции метафизического характера, и среди них, важнейшую, метаантропологическую – заключающуюся в том, что человек не просто часть космоса, а нечто большее, сравнимое с макрокосмом и даже превосходящее его. Суть этой интенции заключается, главным образом, в некотором потенциальном *долженствовании*, а именно: человек должен стать чем-то большим, нежели макрокосм и микрокосм; другими словами, *человек в чем-то может и должен стать больше, чем человек*.

Такого рода метафизика по отношению к человеку предполагает возможность и необходимость возникновения метаантропологии, как учения о том, что человек есть не только и не столько то, чем он является, сколько то, чем и кем он должен стать. То есть, человек есть не только сущее, но, главным образом, он есть должное. Для прояснения такого тезиса можно указать, например, на то, что активно развивающаяся теория ноосферы, ноосферология, по сути, является частным случаем именно метаантропологии. Целесообразно поэтому проанализировать ключевые понятия ноосферологии с тем, чтобы наглядно представить генезис и смысл нового научного направления. Такими понятиями, по мнению автора, являются «космизм», «биосфера», «семиосфера», «концепция Геи», «антропный принцип», «ноосфера». Возникшие в разное время и в недрах различных областей знания, эти понятия связаны между собой и генетически, и предметно, и содержательно, то есть в определенном смысле являются изоморфными и инвариантными. Более того, все эти понятия логично рассматривать как базовые по отношению к тому, что называется культурой. Именно с появлением культуры одновременно возникает семиосфера как некое пространство, в котором осуществляется не только жизнь знаков, но и процесс креативного смыслопорождения, идущий в направлении от сущего к должному. При этом семиосферу, в свою очередь, можно отождествить именно с пространством порядка (космоса), с освоенным «культурным» пространством, в то время как внешний по отношению к ней мир – с царством хаотических, неупорядоченных стихий. Культурное пространство на определенном этапе своего развития порождает цивилизацию, благодаря которой биосфера поднимается на новый уровень и приобретает новое качество, именуемое ноосферой, когда особенно актуализируется проблема Человека-должного.

Понимая ноосферологию как частный случай метаантропологии, логично осуществить краткий анализ ключевых концептов ноосферологии, следуя хронологическому принципу.

Космизм. Итак, в начале было то, что древние греки называли словом космос, противопоставив его хаосу. Некая протоидея космизма в форме холистского, хотя и умозрительно-созерцательного отношения (например, известная формула античности «все – во всем, все – из всего»), или экстатически-религиозного переживания единства человека и космоса (например, медитации буддистского толка) известны со времен глубокой древности и господствовали в течение тысячелетий.

Идея космизма, пережившая в своей истории различные этапы, оказалась особенно плодотворной в период возникновения новоевропейской науки. В России, ставшей родиной научного учения о биосфере и переходе ее в ноосферу и открывшей реальный путь в космос, уже начиная с середины XIX столетия, формируется уникальное космическое направление научно-философской мысли, широко развернувшееся в XX в. (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Н.Г. Холодный, А.Л. Чижевский и др.). Под космизмом понимается целый поток русской и украинской культур, включающий не только идеи философов и ученых, но и поэтов, музыкантов, художников, которые возложили на человека особую ответственность, указав на его высокую и ответственную миссию причастности не только к планетарным, но и к космическим процессам. Именно с Федорова и Циолковского и других мыслителей-космистов в философию и науку входит требование преобразовательной активности со стороны человечества (так сказать, соборного микрокосма), направленной на макрокосм во имя гармонизации отношений человека с космосом и, главное, совершенствования самого человека – Человека-должного.

Биосфера и ноосфера. Эмпирические представления о направленности эволюционного процесса (без попыток теоретически их обосновать) фиксируются еще в XVIII в.

В статье «Несколько слов о ноосфере» В.И. Вернадский воспроизводит историю появления понятия ноосферы, уточняя хронологию: «В 1922/23 г. на лекциях в Сорбонне в Париже я принял как основу биосферы биогеохимические явления. Часть этих лекций была напечатана в моей книге «Очерки

геохимии». В 1926 г. появилось русское издание «Биосферы», в 1929 г. – ее французское издание. Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Е. Ле-Руа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие «ноосферы» [1, р. 196] как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчеркивал при этом, что он пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим теологом и палеонтологом Тельяром де-Шарденом, работающим теперь в Китае» [2, с. 6].

Будучи академически щепетильным, Вернадский указывает на своих предшественников, отмечая, что «понятие биосферы, т.е. «области жизни», введено было в биологию Ламарком (1744-1829) в Париже в начале XIX в., а в геологию Э. Зюссом (1831-1914) в Вене в конце того же века. В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Она выявляется как планетное явление космического характера.... В архивах науки, в том числе и нашей, мысль о жизни как о космическом явлении существовала уже давно. Столетия назад, в конце XVII в. голландский ученый Христиан Гюйгенс (1629-1695) в своей предсмертной работе, в книге «Космотеорос», вышедшей в свет уже после его смерти, научно выдвинул эту проблему... История живого вещества в ходе времени выражается в медленном изменении форм жизни, форм живых организмов, генетически между собой непрерывно связанных, от одного поколения к другому без перерыва. Веками эта мысль поднималась в научных исканиях; в 1859 г. она, наконец, получила прочное обоснование в великих достижениях Ч. Дарвина (1809-1882) и А. Уоллеса (1822-1913). Она вылилась в учение об эволюции видов – растений и животных, в том числе и человека. Младшие современники Ч. Дарвина – Д.Д. Дана (1813-1895) и Д. Ле-Конг (1823-1901), два крупнейших североамериканских геолога (а Дана к тому же минералог и биолог) выявили еще до 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении. Это явление было названо Дана «цефализацией», а Ле-Конгом «психозойской эрой»... Исходя из геологической роли человека, А.П. Павлов (1854-1929) в последние годы своей жизни говорил об антропогенной эре, нами теперь переживаемой... В XX в., впервые в истории Земли, человек узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земля, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым... Все это результат цефализации Дана (1856), роста человеческого мозга и направляемого им его труда» [2, с. 3].

Подводя итог своей историко-научной реконструкции, Вернадский дает определение итоговому понятию: «Ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах» [2, с. 7]. Вернадский был убежден в том, что соединение достижений науки и производительного труда всего человечества позволят в будущем решить не только экологические, но и социальные проблемы, итогом чего, и будет превращение биосферы в сферу качественно нового человеческого разума – ноосферу.

Наиболее полно учение Вернадского о ноосфере и путях ее становления изложены в его работе «Научная мысль как планетное явление», где указаны основные условия перехода биосферы в ноосферу, а также такие его признаки, как заселение человеком всей планеты (включая пустыни и зоны Северного и Южного полюсов); резкое усовершенствование международных коммуникаций; расширение границ биосферы и выход в Космос; открытие новых источников энергии; равенство всех рас и религий при полной свободе научной мысли от давления идеологических институтов; исключение войн из жизни общества; устранение угрозы голода, нищеты, болезней и т.д. В общем, можно говорить о некоторой планетарной стратегии выживания, предложенной Вернадским, требующей от нас глубокого «ноосферного» анализа все более усложняющихся планетарных проблем.

Говоря современным языком, ноосфера – это некая сингулярность сознания, то есть расширенное, глобально-обобщающее состояние сознания нового человека – Человека-должного.

Концепция Геи. Согласно концепции Геи [3], эволюция биоты, то есть совокупности всех биологических организмов, настолько тесно связана с эволюцией их физического окружения в масштабе планеты, что вместе они составляют Нечто – единую саморазвивающуюся систему, которая обладает саморегуляторными свойствами, напоминающими физиологические свойства живого организма. Это Нечто и названо Геей по имени греческой богини Земли (Gaia). Гейя как своего рода самоорганизующаяся система, суперорганизм (сам Лавлок, как и его давняя соратница, биолог Линн Маргулис, впоследствии понятие суперорганизма признали в качестве полезной биологической метафоры) обладает саморегуляторными «геофизиологическими» свойствами, то есть поддерживает целый ряд параметров внутренней среды в относительно стабильном, благоприятном для живых организмов уровне (гомеостаз в любом временном срезе).

По мнению Дж. Лавлока [4] и особенно его соратницы – биолога Линн Маргулис, все организмы, популяции, экосистемы, воздух, почва, скалы являются как бы частями, органами единой симбиотической системы – Геи. Человечество также является членом этой единой сложной многоуровневой симбиотической системы, в которой осуществляется информационный обмен между партнерами как непосредственно, так и опосредованно, через среду [5, р. 167-184.]

Превалировавший долгое время антропоцентризм превратил человеческую популяцию в больной орган, живущий по собственным законам, несогласованным с Геей и космосом. Согласно Лавлоку, управлять биосферой, Геей – невыполнимая и неблагодарная задача, так как это практически бесконечно сложная система, накопившая «мудрость» циклического многоуровневого эволюционного процесса, длившегося более трех с половиной миллиардов лет.

Человечество в принципе не может быть менеджером Земли. Мы не владельцы Земли, не пассажиры, не посетители. Жить с Геей – персональная ответственность каждого. Путь выживания человечества связан с коренным изменением стиля жизни, философии, соборного сознания Человека-должного – через признание Геи самоценностью, которая не может быть подчинена человеку. Скорее наоборот, человек должен осознать, что он часть Геи, что здоровье Геи есть и его здоровье. Необходимо направить усилия людей на изучение и поддержание естественных механизмов саморегуляции и самоорганизации на планетарном уровне. Лучшей заботой Человека-должного является забота о всей Гее.

Научно-теоретическая часть концепции Геи, то есть геофизиология, очень близка концепции «Биосферы» Вернадского, особенно в современной ее трактовке. (Следует отметить, что в семидесятых Дж. Лавлок еще не был знаком с трудами великого русского ученого и мыслителя, о чем он с сожалением пишет в своих работах.) В известной мере справедливо утверждение о том, что Дж. Лавлок через полвека переоткрыл «Биосферу». Но он не только переоткрыл, но и развил ее, довел до логического конца, в значительно более явной форме используя традиционную метафору организма. Несмотря на заметное общее сходство, между концепцией биосферы (судя по поздним опубликованным работам В.И. Вернадского) и Геей имеются различия в расстановке определенных акцентов, как в научном, так и в философском плане. Во-первых, Гея – это, вообще говоря, Земля в целом, а не биосфера. Поэтому Дж. Лавлок не касается вопроса о пространственных границах Геи, оставляя этот вопрос открытым. Во-вторых, концепция Геи выдвинута намного позднее концепции биосферы, в ином социально-историческом контексте, в период быстрого развития экологического кризиса, вызванного в немалой степени бурным научно-техническим прогрессом.

Несомненным, однако, является тот факт, что и концепция биосферы Вернадского, и концепция Геи Дж. Лавлока задают нам образ Человека-должного, уточняя и конкретизируя проблемы метаантропологии.

Семиосфера. Это понятие, соотносящееся, в первую очередь, с когнитивной способностью человека несомненно является одним из ключевых понятий ноосферы. Согласно странному, на первый взгляд, мнению одного из сторонников концепции Геи, У. Матураны, живая система – это синоним когнитивной системы, а сам процесс жизни – это синоним процесса познания [6, р. 9].

Семиосфера в качестве теоретического факта может быть, на наш взгляд, понята как абстракция от ноосферы и идеи космизма, собственно, их лингво-семиотическое истолкование. Семиосфера, по мнению автора этого понятия Ю.М. Лотмана, есть «некий семиотический континуум», который включает в себя все созданные культурой тексты [7, с. 11]. Под семиосферой Лотман предложил понимать некую протяженную метасистему, существующую над всеми прочими семиотическими образованиями и вместе с тем объединяющую их все воедино. Это «некий семиотический континуум», который включает в себя все созданные культурой тексты. «Такой континуум, – подчеркивал Лотман, – мы по аналогии с введенным Вернадским понятием «биосфера», называем семиосферой. Следует предупредить против смешения употребляемого Вернадским термина «ноосфера» и вводимого нами понятия «семиосфера»... *Если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер. Это, однако, отнюдь не означает, что понятие пространства употребляется здесь в метафорическом смысле* (курсив мой – А.Ц.). Мы имеем дело с определенной сферой, обладающей теми признаками, которые приписываются замкнутому в себе пространству. Только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации» [7, с. 12-13].

Иначе говоря, семиосфера охватывает собой все семиотическое пространство, которое создано посредством семиозиса: семиозис выступает как процесс, а семиосфера – как результат. При этом семиосфера нуждается в «неорганизованном» внешнем окружении и конструирует его себе в случае отсутствия. Культура создает не только свою внутреннюю организацию – *симметрию*, но и свой тип внешней дезорганизации – *асимметрию*. Динамический характер семиозиса не разрушает целостности коммуникационных процессов, поскольку в их основе лежит инвариантный принцип единства симметрии-асимметрии (на уровне языка эта структурная черта была охарактеризована Соссюром как «механизм сходств и различий»). Поскольку этот принцип, по словам Лотмана, «имеет структурный характер, выходящий за рамки не только человеческого общества, но и живого мира, и позволяет установить подобие самых общих структур, например, поэтическому произведению, то, естественно, напрашивается вопрос: не является ли весь универсум сообщением, входящим в еще более общую

семиосферу? Не подлежит ли вселенная прочтению?» [7, с.21]. Налицо – явно метафизическая космическая и одновременно метаантропологическая интенция.

Такого рода «прочтение» вселенной, возможно, как представляется, через аналитическую реконструкцию текстов культуры, а значит, обнаружение и вместе с тем порождение все новых и новых ее смыслов. В статье «Культура как субъект и сама-себе объект» Ю.Лотман отмечает: «Фундаментальным вопросом семиотики культуры является проблема смыслопорождения. Смыслопорождением мы будем называть способность как культуры в целом, так и отдельных ее частей выдавать на «выходе» нетривиально новые тексты. Новыми текстами мы будем называть тексты, возникающие в результате необратимых (в смысле И.Пригожина) процессов, то есть тексты, в определенной мере непредсказуемые. Смыслопорождение происходит на всех уровнях культуры. Процесс этот подразумевает поступление извне в систему некоторых текстов и специфическую, непредсказуемую их трансформацию во время движения между входом и выходом системы. Системы этого рода – от минимальных семиотических единиц до глобальных, типа «культура как себе-достаточный универсум», – обладают, при всем различии их материальной природы, структурным изоморфизмом. Это, с одной стороны, позволяет построить их минимальную модель, а с другой – окажется чрезвычайно существенным при анализе смыслопорождения» [8, с. 640].

Развитие семиосферы в процессе прогрессивно расширяющегося смыслопорождения можно уподобить образу «расширяющейся Вселенной», поскольку, по словам Лотмана, ясно, что «семиосфера современного мира, которая, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и поэмы поэтов, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность» [8, с. 21]. Больше того, есть все основания полагать, что эта новая реальность, являясь мощным когнитивным вызовом, может стать важнейшим ресурсом Человека-должного в деле порождения качественно новых смыслов.

Антропный принцип. С учением Вернадского о ноосфере и гипотезой «Геи» Дж.Лавлока неожиданным образом может коррелировать сформулированный Б.Картером в 1973 г. так называемый антропный принцип, согласно которому мы имеем дело с наличием взаимосвязи между параметрами Вселенной и существованием в ней разума [9].

Согласно сильной версии этого принципа, *Вселенная (и, следовательно, ее фундаментальные параметры) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей.* Следствием методологического развития сильной формулировки антропного принципа стало максимальное расширение границ этого принципа до идеи о том, что Вселенная должна быть именно такой, чтобы в ней на определенном этапе появился человек, то есть она эволюционирует в предустановленном направлении, к главной цели – появлению человека. Этот целеполагающий аспект и явился предметом для многосторонней критики сильного антропного принципа. Основная аргументация такой критики строится на тезисе о том, что *модальность долженствования*, вполне уместная в области этики, не является корректной в области научных принципов, к числу которых Картер и его сторонники относят антропный принцип. Вероятно, был прав астроном А.Л.Зельманов, когда утверждал следующее: «Мы являемся свидетелями космических процессов определенного типа потому, что процессы другого типа протекают без свидетелей» [10, с. 36]. Иными словами, человек разумный наблюдает такую Вселенную, на которую он фактом собственного существования накладывает определенные ограничивающие параметры.

Отсюда сами собой напрашиваются соответствующие коннотативные и ассоциативные суждения о том, что требование сильного антропного принципа, согласно которому Вселенная должна быть запрограммирована на появление человека, допускает теологическое объяснение, а именно, через трансцендентные силы. Однако такая критика существенно ослабляется, если сослаться на точку зрения саморазвития, самоорганизации мира (включая идею спонтанности, хаотического раздувания и т.д.), столь же гипотетически объясняющую status quo. Тем более что status quo находится в русле постнеклассической традиции, в которую вступила наука на пороге XXI в. в связи с развитием синергетики, – что явно коррелирует с самим названием сценария «самовосстанавливающейся Вселенной».

Возникают идеи о необходимости создания такой теории, которая включала бы в себя высшую форму материи – сознание. Так, например, выдающийся современный физик А.Линде пишет: «Заранее нельзя исключить, что тщательное отмежевание от использования понятия сознания в квантовой космологии является искусственным сужением зоны поиска. Нетривиальность рассматриваемой ситуации некоторые авторы подчеркивают, заменяя слово «наблюдатель» словом «участник» и вводя такие термины, как «самопознающая Вселенная». Фактически речь идет о том, действительно ли стандартная физическая теория является замкнутой применительно к описанию мира в целом на квантовом уровне или же нельзя полностью понять, что такое Вселенная, не поняв сначала, что такое жизнь» [11, с. 246].

Еще более экстравагантной является версия антропного принципа с соучастником-наблюдателем, предложенная физиком-теоретиком Дж. Уилером: «Вселенная представляет собой самовозбуждающийся контур, приобретающий ту осязаемость, которую мы называем реальностью, посредством наблюдателей-участников, которых сама же и порождает на некотором этапе своего существования» [12, с. 555–556].

Удивительно, но современные физики и философы приходят к убеждению в том, что «изучение Вселенной и изучение сознания неразрывно связаны друг с другом и что окончательный прогресс в одной области невозможен без прогресса в другой. После создания единого геометрического описания всех видов взаимодействий не станет ли следующим важным этапом развитие единого подхода ко всему нашему миру, включая внутренний мир человека (подчеркнуто мною – А.Ц.)» [11, с. 248]. И «не окажется ли, что эта проблема принципиально неразрешима вне исследования тех факторов, которые привносит с собой в ход мирового процесса мыслящий дух, тех условий, которые создаются при его непрерывном участии?» [13, с. 426].

Таким образом, получает свое обоснование заявленная в начале данной статьи гипотеза о том, что ключевые понятия ноосферологии «космизм», «биосфера», «ноосфера», «семиосфера», «концепция Геи» и «антропный принцип» в своем развитии конкретизируют важную метафизическую интенцию, а именно, метаантропологическую. Если, например, сильная версия антропного принципа будет признана истинной, а модальность долженствования по отношению к Вселенной окажется верной, это будет означать, что столь же истинной является и модальность долженствования по отношению к человеку – Человеку-должному. Из этого логически следует, что философская метаантропология (нооантропология) станет новым, возможно, самым важным этапом в исследовании феномена человека.

Библиографический список

1. Le Roy E. L'exigence idealiste et le fait d'evolution / E. le Roy. — Paris, 1927. — P. 196.
2. Успехи современной биологии. — 1944. — №. 8. — Вып. 2. — С. 3–7.
3. Казанский А.Б.. Феномен Геи Джеймса Лавлока / А.Б. Казанский. — Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М.Сеченова РАН.
4. Lovelock J.E. The Gaia Hypothesis / J.E. Lovelock // Gaia in Action. P. Bunyard (ed.). — Cromwell Press, Wilts, 1996. — P. 167–184.
5. Margulis L. We are all Symbionts / L. Margulis, R. Guerrero, Peter Bunyard // Gaia in Action. P. Bunyard (ed.). — Cromwell Press, Wilts, 1996.
6. Kovalev O.V. and A.B.Kazansky. Two faces of Gaia / O.V. Kovalev, A.B. Kazansky // Gaia Circular. — 1999. — Vol. 2. — Issue 2.
7. Лотман Ю.М. О семиосфере / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. В 3 т. — Таллинн, 1992. — Т. 1. — С. 8–21.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. Искусство / Ю.М.Лотман. — СПб, 2000. — 640 с.
9. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии / Б. Картер // Космология: теория и наблюдения. — М., 1978. — 215 с.
10. Зельманов А.Л. Занимательная астрономия / А.Л. Зельманов. — М., 1965. — С. 36.
11. Линде А.Д. Раздувающаяся Вселенная / А.Д. Линде // Успехи физических наук. — 1984. — Т.144. — С. 246–248.
12. Уилер Дж. Квант и Вселенная / Дж. Уилер // Астрофизика, кванты и теория относительности. — М., 1982. — С. 47.
13. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. — М., 1991. — С. 426.

Поступила в редакцию 28.08.2008 г.